

Один из выдающихся представителей турецкой литературы Якуб Кадри Караосманоглу, автор большого числа рассказов и романов, родился в 1888 году в Каире. В 1934 году Караосманоглу был гостем Первого съезда советских писателей.

Действие рассказа «Четырнадцатилетний мужчина» происходит в период национально-освободительной борьбы турецкого народа против оккупационных войск западных держав (Англии, Франции, Италии, Греции) в 20-е годы нашего столетия.

ЧЕТЫРНАДЦАТИЛЕТНИЙ МУЖЧИНА

РАССКАЗ

ЯКУБ КАДРИ КАРАОСМАНОГЛУ

ИЗВОЗЧИК тоже не знал дорогу. То направо свернет, то налево, то в поле заедет. Потом обернется, посмотрит на меня растерянно и спросит: «Может быть, здесь поедем, или туда взять? А? Как думаете?» Я раздражался все больше и больше.

— Ну какой ты извозчик! — сердито говорил я ему. — Ни дороги не знаешь, ни...

— Дорога, дорога... — бормотал он. — Где она? Хоть бы поглядеть на нее, что ли!

Бедняга и впрямь был прав. Какая тут дорога! Несколько километров приличного шоссе, и вдруг — раз, дорога куда-то пропадает, и вы оказываетесь в речной низине, у подножия крутой горы... Разумеется, лошади такой подъем не взять, вот и приходится вам терпеливо трястись по мелкой речной гальке. Неожиданно из-под колес выползает узкая дорожка, какое-то время вы следуете за ней, потом, смотришь, и ее не стало. Тогда давай по полю... Только вот поля, как правило, обнесены рвами, и трудно надеяться, что колеса смогут их преодолеть. Вам остается только вертеть головой направо и налево, чтоб отыскать в этом безбрежном океане земли хоть маленькую тропинку. Наконец после тысячи злоключений и тяжелых испытаний вы находите это избавление. Перед вашими глазами зазмеились извилистые следы колес. И кучер в восторге кричит: «Вот она, глядите!»

Вот так однажды я и ехал, с самого утра трясясь в этой идиотской повозке. Утром, когда мы выезжали из деревни, нам описали дорогу и сказали, что за семь часов мы доберемся до уездного города. Где она, эта дорога? Где обещанные семь часов?.. Мы тронулись на рассвете, а сейчас уже

вечерело. Что делать? К кому обратиться? Кругом было так пустынно, что... Вдруг кучер закричал:

— Парень, парень, эй, парень!..

Я высунул голову из-за занавески. Кучер кричал кому-то идущему в нашем направлении в двадцати-тридцати метрах поодаль. Путник остановился. Это был изможденный, худой мальчик, которому на вид было не больше восьми-десяти лет. На спине он нес мешок, раза в два тяжелее, чем он сам, в руке держал свои бабуши. Мальчик подошел к нам.

— Слушай, не знаешь ли ты, где здесь дорога в город? — обратился к нему кучер.

Мальчик протянул вперед худую маленькую руку, которая оставалась свободной, и показал вперед, на склон горы:

— Вот она лежит, сверкая белизной, — а потом добавил: — Я тоже иду в город.

Лицо мальчугана было очень милым, и одежда была опрятной. Кроме того, мне очень по вкусу пришились его слова «лежит, сверкая белизной».

— Ну, коли ты в город, давай залезай к нам, поехали вместе, — предложил я мальчику.

Он немного поколебался, словно не доверяя моим словам, посмотрел мне в лицо, снял с себя мешок и положил его на землю. Я еще раз повторил свое предложение:

— Ну, давай же, иди! Мешок пристрой около кучера, а сам забирайся сюда.

Я указал ему на место напротив себя. Он аккуратно, один рядом с другим, поставил на мешок свои бабуши, а сам, поджав под себя ноги, уселся лицом ко мне. По мере того как я вглядывался в своего маленького спутника, он начинал мне все больше нравиться. Малыш производил впечатление

воспитанного, учтивого человека. Он внимательно оглядел меня с головы до ног своими смысленными блестящими глазами, и я ощутил какую-то неловкость: он смотрел на меня так, как может смотреть только умудренный жизнью мужчина.

Вообще-то говоря, такой взгляд нередко можно встретить у ребятишек в Анатолии. Истинные дети земли, они, кажется, с самого своего рождения начинают ходить, работать, разбираться в жизни. У них нет времени для игр: едва им исполнится восемь-девять лет, как заботы о заработке начинают сгибать детские, еще не окрепшие и раньше времени обожженные солнцем тела, как сильный порывистый ветер гнет к земле молодые побеги лозы, на которых только-только начинает появляться кора. И этот мальчик был одним из таких детей.

— Скажи, сколько тебе лет? — спрашиваю я его.

— Четырнадцать, — отвечает он и сосредоточенно смотрит вперед.

Безусловно, он преувеличивает, я никак не могу дать ему больше двенадцати.

— Ты из какой деревни?

— Из деревни Черный свет.

— А зачем ты идешь в город в такой поздний час?

Он кивает на мешок, стоящий позади него.

— Я везу немного сухих фруктов, завтра утром базар... В этом городе базар начинается рано; если отправиться с утра, то никак не успеешь.

Некоторое время мы оба молчим. Мальчик снова меряет меня внимательным взглядом.

— А сколько часов пути от вашей деревни до города? — спрашиваю я.

— Если идти медленно, то полных шесть часов, — отвечает мальчик.

— Шесть часов!.. Не очень ли далеко? Устаешь, наверное?

Вопрос мой ему непонятен. На лице у него недоумение, словно он хочет сказать: «Устаю? А что это такое? Вы только послушайте, что он говорит!»

— Я каждую неделю хожу, в городе я останавливаюсь на постоялом дворе Исмаила-аги. Он мне

дядей доводится. К обеду я обычно управляюсь с делами, успеваю продать свой товар и купить нужное. Если останется время, схожу в баню, а нет — так покушаю шашлык с кислым молоком, если, конечно, деньги позволят...

— Ты вот сказал, что свое продаешь, а на это покупаешь нужные вещи. А не скажешь ли ты, что покупаешь на вырученные деньги?

— Да все необходимое. Иногда соль, иногда сахар нужен; маме туфли, сестре чулки, иногда себе материю на брюки.

Он показал пальцем на бабуши, лежавшие на мешке.

— На прошлой неделе купил за три бумажки, — сказал он и, очень серьезно взглянув на меня, спросил: — Дорого? Как по-вашему?

— Молодец, дешево купил... — И вдруг неожиданно сам собою родился у меня вопрос: — А отец-то у тебя есть?

В ответ он отрицательно покачал головой. А потом спокойно добавил:

— Отца по мобилизации забрали в армию. В прошлом году пришло извещение о его смерти.

— Значит, ты теперь вместо отца присматриваешь за домом?

Он два раза в знак согласия мотнул головой и еще удобнее расположился напротив меня. Я протянул ему сигарету, он взял и засунул ее за платок, окутывавший его голову.

— Я не курю, в городе дяде отдам, — сказал он и непринужденно продолжал: — Отец мой, говорят, много курил, но я не курю — разве у меня есть когда курить? Работы по горло! С тех пор как заболели ноги у матери, мне одному приходится и скот пасты, и за полем смотреть, и дрова рубить... Сестра только воду таскает да есть готовит. К тому же она у нас жилаец временный. Уходит в другую деревню! Обручилась в прошлом году.

Чтобы изменить тему нашего разговора, начинавшего принимать слишком серьезный оборот, я сказал:

— А ты тоже обручись, ты теперь уже самостоятельный, деловой мужчина, а жена тебе будет помогать в делах, разве это плохо?

Он поднял на меня скорбные глаза:

— Я был обручен, эфенди, но ничего не вышло и не выйдет. С девушкой стряслась беда, когда враг уходил из деревни.

От неожиданности у меня захватило дыхание.

— Что ты говоришь? Это правда? Что за несчастье?.. Расскажи.

— Говорят, обесчестили ее, — произнес он с горячим от стыда лицом и постепенно тяжелевшим голосом добавил: — Нет, не говорят, а действительно обесчестили ее, прямо у меня на глазах... Вместе с другими деревенскими девочками ее потащили к реке. Мы надрывались, кричали: «Пощадите, не делайте этого!» Нет, не вняли нашим словам. Я хотел побежать за ними, но мать не пустила, заплакала. «Ты у меня один-единственный сын, и тебя они погубят!» Я не выдержал и остался.

Я не мог больше смотреть ему в лицо. Рядом с этим деревенским мальчиком, столько раз выходящим один на один с самыми тяжелыми жизненными испытаниями, я чувствовал себя в свои тридцать четыре года несмышленым, пугливым мальшом с взъерошенными волосами, который, забившись в угол, слушает страшную сказку.

Перевел с турецкого
Р. Аганин

Роман А. Толстого на мальгашском языке

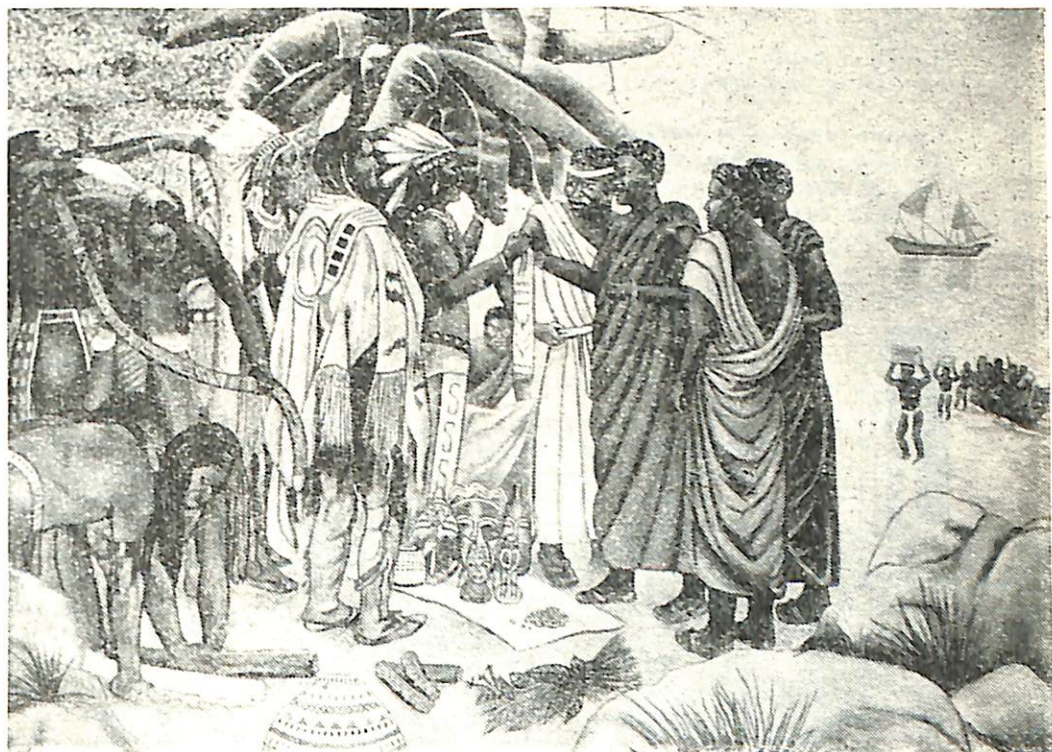
Прогрессивная мальгашская газета «Имунгу ваувау» печатает роман А. Толстого «Аэлита», переведенный на мальгашский язык известным писателем, поэтом и общественным деятелем Мадагаскара Арсеном Рауифехера. Благодаря ему мальгашские читатели уже познакомились с романом Н. Островского «Как закалялась сталь» и «Повестью о настоящем человеке» Б. Полевого. «Эти произведения, в которых рассказывается о мужестве и героизме советских людей в борьбе за свободу и независимость своей родины, очень заинтересовали мальгашей», — писала столичная газета «Тулуна».

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ КОЛУМБА — АФРИКАНЦЫ?

Ганский художник Р. Свитинг собрал извлечения из некоторых трудов европейских и американских ученых. В этих трудах высказываются предположения, что африканцы бывали в Америке задолго до Колумба.

Р. Свитинг написал даже картину, на которой изобразил первую встречу африканских мореплавателей с индейцами.

«Африканцы побывали в Америке раньше Колумба?» — так называется эта картина, которую мы здесь воспроизводим.

ТАДЖИКСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Не пожалеть трудов,
Не полениться —
В цветок в конце концов
Колючка превратится.

Избирают путь войны
Только те, кто неумны.

Кто, споря,
дружбу отвергает —
Себя на горе обрекает.

Чего мечом суровым
не добыть,
То можно добрым словом
залучить.

Глупца желание ведет,
Мудреца знание ведет.

Так проживи,
чтоб в памяти остался,
Чтоб в горький час
ухода твоего
Не мир наш
от тебя освобождался,
А ты освобождался от него.

Мысль уместить в сто слов
немудрено,
Сто мыслей
в слово уместить одно.

В ничтожество впадает тот,
кто очень
Заботой о величье озабочен.

Не стало в мире меньше зла,
Когда баран сменил осла.

Средь нас живет мудрец,
Хоть умер он давно.
Хоть жив-здоров глупец —
Мертвец он все равно.

Еще не знал никто и никогда
Роз без шипов,
удачи без труда.

Чтоб стать ученым,
Поучиться надо!
Стать человеком —
Им родиться надо!

Перевел Н. Гребнев